

ГОСТЬ 13-й СТРАНИЦЫ

У здания московской детской больницы на Садово-Кудринской останаоливается девочка лет семи-восьми. Внимательно разглядывает вывеску у входа и по слогам шепчет: «Боль-ни-ца и-ме-ни Н. Ф. Фи-ла-то-ва».

— Мама, это в честь артиста Филатова!..

Это не анекдот. Это из жизни. О популярности сегодняшнего гостя 13-й страницы много говорить нет нужды. Мартковский номер «Юности» за 1987 год, где напечатана сказка Л. А. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», открыл новую сторону его таланта.

В ноябре 1988 года состоялась премьера сказки в кукольном театре под руководством Сергея Владимировича Образцова. С этого и начался наш разговор.

— По правде говоря, я даже не знал, как можно поставить «Федота» в театре. Более того, был уверен, что из этой затеи ничего не выйдет. Но то, что сделал молодой Стрёмовский, режиссер, блистательно владеющий формой, мне глубоко симпатично.

Знал лишь «общий» портрет: свитер под горло, очки, кепочка. Мне казалось, это очень мужская профессия, волевая: стоишь на ветру, организуешь процесс. Но поскольку о самом процессе понятия не имел, то, когда меня спрашивали: «Ну, ты куда?», я говорил — «На ре-

Леонид Филатов

— Когда мы услышали и увидели по телевидению, как вы читаете сказку, сложилось впечатление, что она написана для моноспектакля.

— Просто авторское чтение и постановка в театре — это разные вещи. Когда я читаю, для меня важно действие — вперед, вперед, вперед... Если характеры придуманы верно, то герои живут как бы сами по себе. Тогда как для артистов, исполняющих диалоги, задачи другие: они понимают, что не поодиночке ведут спектакль, а все вместе. Потому у них появляются новые заботы: оценить, увидеть, переместиться на сцене. Со временем спектакль уляжется, артисты перестанут экономить на паузах, все будет стремительнее, плотнее, живее...

— Как возник замысел сказки?

— В свое время Владимир Высоцкий предложил мне написать несколько песен для фильма «Тупфи с золотыми пряжками». Правда, до сих пор не знаю, были в этот фильм мои песни или нет, — картину не видел. Какие-то интонации будущей сказки придумались еще тогда: скажем, диалог царя с нянькой. Они вели такие споры:

— ...Ты умелся бы сперва, благодетель.

— Ты чай-то шипишь, как жаровня.

Будто я тебе родня али ровня.

Мы с тобой, чай, не тово, не подруги,

Вот возьму да и казнию на досуге.

И за это ничаво мне не будет —

Попечалится народ и забудет.

Я могу и осерчать — бог свидетель.

— Ты оделся бы сперва, благодетель.

Царь одевался, обувался, они ворчали друг на друга. Но все кончалось миром и согласием.

Позднее режиссер Александр Вилькин, делавший большую инсценировку афанасьевской сказки, попросил меня написать тексты песен и монологи героев, которые бы читались под музыку. Я начал этим заниматься, и вдруг мне пришла идея написать самостоятельную пьесу по тем же мотивам. Делал ее невероятно долго — с 1982 года. Это не означает, что я каждый день, как усердный писатель, садился за письменный стол. Но года два назад я се, слава богу, все же закончил.

— Вы продолжаете заниматься литературой?

— Делаю небольшой сборник для издательства «Книга». В него войдут стихи разных лет, сказка, пьеса и пародии.

— Театр или литература — в юности перед вами стоял такой выбор?

— Нет, не стоял. Из Ашхабада прилетел в Москву поступать на режиссерский факультет ВГИКа. Правда, о режиссерах у меня в ту пору было весьма смутное представление.

жиссуру» примерно так же, как говорят — «В космонавты».

До экзаменов оставалось много времени, и тут неожиданно товарищи предложили поступать в самый тогда престижный (с нашей, провинциальной точки зрения) институт — в Щукинское театральное училище.

— Вы стали студентом в 1965 году?

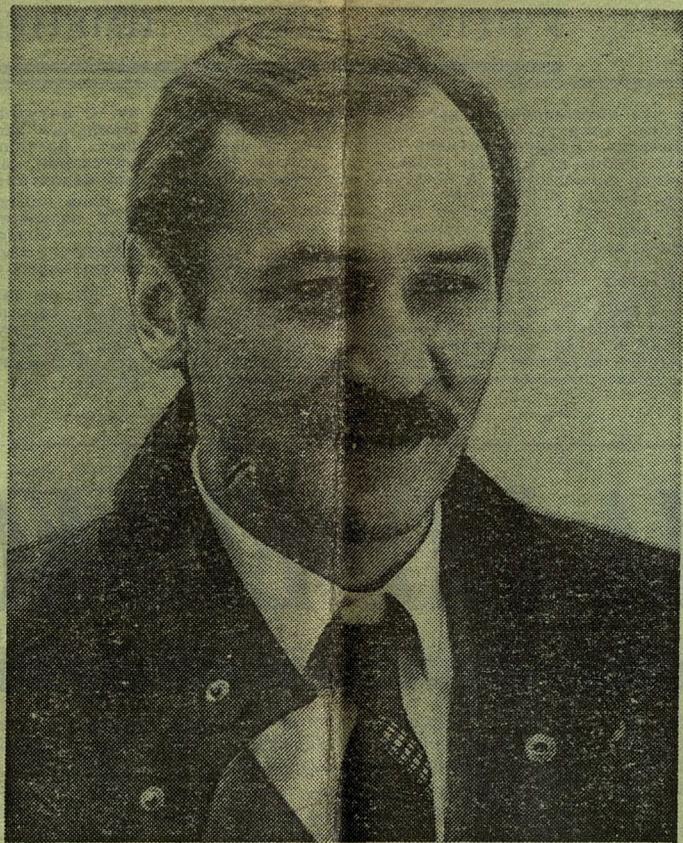
— Да, это был замечательный период. Многие грозы и беды на нас еще не обрушились. Не было и чудовищного завычивания идеологических гаек, во всяком случае, молодые этого не ощущали. Ставить можно было все, что угодно, хоть Солженицына. Никто не спрашивал и не указывал. Что хочешь выбирай, во что угодно наряжайся. Найди только партнера, сам договорись, сам поставь. Это было очень любопытно. На спектакли всегда собиралась тьма людей, сидели допоздна, поскольку студенты играли по три-четыре отрывка. И вот тут уж я разворачивался, сам писал, сам ставил. Параллельно играл что-то из классики, и можно было всегда себя проверить.

— После училища вы сразу пришли в Театр на Таганке. Какими были ваши первые впечатления?

— В театр меня, еще студента, пригласил Юрий Любимов. В ту пору это уже было знаменитое место. Флером славы были овеваны имена Высоцкого, Золотухина, Смехова, Демидовой, Славинной. Таганка и «Современник» считались самыми живыми и бурными театрами Москвы. Нас туда очень манило. Но когда речь зашла о том, идти мне на Таганку или нет, многие педагоги начали отговаривать от этого «индустриального» театра, где «все грохочет, гремит, где все орут». Мне говорили: «Ты человек другой, тебе нужна тишина, сосредоточенность». Тем не менее я пришел в этот грохот и ни секунды не жалел о выборе. Таганка сформировала систему взглядов, подружила меня со множеством прекрасных людей.

Я имел счастье общаться с А. Вознесенским, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Б. Окуджавой, Ю. Трифоном, Ф. Абрамовым, Б. Можаяевым, А. Шнитке... Это был как бы нештатный художественный совет театра, люди, помогавшие ему отражать внешние удары.

Первые годы было мало работы. Так уж сложилось: в молодом театре приходило чуть позже остальных очень невыгодно. Ну, конечно, что-то делал, в чем-то участвовал... В то время меня усиленно звал к себе Аркадий Исаакович Райкин.

строики он, может, сделал картину лучше. А послезавтра он сделает гениальную картину. Кому-то нравится — кому-то нет. В этом проявляются и вкус, и культура зрителей.

На днях беседовал с одной дамой, представившейся кинокритиком. Говорю: «Ну, понимаете, условия жизни артистов... приходится...» Она: «Зачем вы снимаетесь в дурном кино?». Я ей долго объясняю, как будто она из Чикаго. В конце концов мне стало скучно. Я не могу разговаривать с такими людьми. Они не видят, что есть законный пейзаж. «Что-то у нас не идет». Да откуда «ему» идти, если рубль не адекватен ничему на свете?

Зачем нам Кафка? Нам нужна «Маленькая Вера», и молодой Пичул понимает это так пронзительно, так тонко... В последнее время я лучше работ, чем у Юрия Назарова и Людмилы Зайцевой (отец и мать Веры) не видел. Пусть Пичул вложил в фильм эпатажные куски: лишь бы пришли, лишь бы увидели, а уж потом поговорим... Запальчиво, молодо, точно.

— Леонид Алексеевич, какую свою роль в кино вы считаете программной?

— Есть роли, к которым отношусь уважительно. Например, в фильмах «Успех», «Избранные», «С вечера до полудня». Но сказать, что есть роль, которую назвал бы программной, пока не могу. Меняюсь, стараюсь. Чем больше синяков, тем больше жажда самовыражения. Человек всегда в гонке за идеалом, всегда хочет высказать больше, чем получается. Но от замысла до реализации путь огромный...

— Как бы вы отнеслись к тому, если бы ваш сын пошел по стопам отца и стал артистом?

— Не стал бы отговаривать. Я бы рикошетно дал ему понять ряды дилетантов. Хотя понимаю, почему многие артисты перешли в режиссуру. Люди хотят иметь самостоятельную профессию, авторскую профессию. Такие соблазны периодически возникают и у меня, есть даже предложение от одного из объединений «Мосфильма». Но я считаю, что в моем возрасте — 40 с хвостиком — если начать заниматься новой для себя профессией (писать сценарии, снимать кино), то только ради абсолютной идеи, так мною чув-

— Не намереваетесь заняться режиссурой?

— Пока не хотел бы пополнять ряды дилетантов. Хотя понимаю, почему многие артисты перешли в режиссуру. Люди хотят иметь самостоятельную профессию, авторскую профессию. Такие соблазны периодически возникают и у меня, есть даже предложение от одного из объединений «Мосфильма». Но я считаю, что в моем возрасте — 40 с хвостиком — если начать заниматься новой для себя профессией (писать сценарии, снимать кино), то только ради абсолютной идеи, так мною чув-

Месяц 1989
н. 3, фев. с. 13

ствуемой и понимаемой, как ее не чувствовал бы никто из рядом стоящих.

— В фильме «Забывтая мелодия для флейты» есть эпизод, в котором вы успешно справляетесь с заботами по дому. А в жизни как?

— А в жизни... не совсем так. Основные заботы ложатся на мою бедную жену — она и хозяйка дома, и диспетчер, отвечающий в день на двести звонков, и администратор, который всегда знает, где и в какое время я должен находиться. Но, помимо всего, она еще и актриса. Так что ей совсем трудно.

— Леонид Алексеевич, над какой ролью вы сейчас работаете?

— Не хочу говорить о неосуществленных планах... Уложиться бы все их во времени. Мы потропились с объявлением о том, что приступили к съемкам советско-американской картины «Игрок» по Достоевскому, а они откладываются, зависли в воздухе. Начнутся ли? Не в курсе, не знаю...

— Как вы относитесь к числу 13?

— Так же, как к черной кошке: это мои фирменные знаки. Я всегда пересекаю дорогу, по которой прошла черная кошка, и стараюсь занимать тринадцатые места. Пока на удачу не жалуюсь.

— Что вы читаете?

— Еще два года назад — как-то, пусть вскользь, по диагонали, но успевал читать все интересное. Сейчас, к сожалению, читаю только то, без чего обойтись нельзя. Нельзя, скажем, обойтись без Гроссмана, без Набокова (хотя его я читал и раньше). Появляется Приставкин — ну, как не прочитать? Но в основном, конечно, публицистика. Когда в руки попадает толстый журнал, сразу открываю вторую половину.

— Вас часто беспокоят поклонники? Как вы к ним относитесь?

— По-разному. Но хорошие письма и хорошие звонки всегда очень поддерживают, ведь человек, занимающийся чем-то аудиторным, должен ощущать, какой отклик имеет его работа. К сожалению, многим не могу ответить. Если бы я начал этим заниматься, то на все остальные времена просто не осталось бы. Отвечаю только на самые пронзительные письма, на какие не ответить нельзя.

— Опишите, пожалуйста, свой день.

— Какой-то стереотип, конечно, сложился. Когда у меня нет репетиций и съемок, я просыпаюсь довольно поздно, часов в одиннадцать. Включаю телефон, отвечаю на звонки. Обычно у меня расписана вторая часть дня. Первую стараюсь не занимать — мне надо как следует отдохнуть. Спать ложусь довольно поздно — я человек ночной. Вторая половина дня — время дел. Встречи, поездки, хлопоты, выступления... Ко всему прочему, я еще исполняю обязанности секретаря правления Союза кинематографистов, а это занимает уйму времени.

— Леонид Алексеевич, ваши новогодние пожелания читателям «Недели»...

— Прошедший год для всех нас был очень непростым. Столько бед, столько несчастий в стране. Дай бог, чтобы в наступившем году не было. Чтобы мы не гневляли ни природу, ни друг друга, жили бы в ладу с самими собой и с рядом стоящими. Уж не будем ортодоксальными — «счастья», долгой жизни... Выдержки и покоя — вот что я хочу пожелать всем в 1989 году.

Интервью брали
Герман БЕЛОВ,
Кирилл КИКНАДЗЕ.